

Это становится достаточно ощутительным, если мы сравним фольклоризирующую работу Чулкова, Попова и их преемников с официально-правительственной квасной «народностью», которую пропагандировала с трона и сама Екатерина, начиная с середины 1770-х гг. Пример работы Чулкова с русскими пословицами — на фоне официозного сборника пословиц Богдановича или, тем более, жалких попыток в данной области самой Екатерины, — вполне выразителен (см. статью А. В. Западова в настоящем сборнике).

Вопрос о фольклорных исканиях русских писателей XVIII в. должен быть поставлен в теснейшую связь с более общим вопросом о проблеме национального самосознания в русской литературе этого времени. Мы можем констатировать, что глубокое разрешение этой проблемы мы находим именно в тех течениях литературной мысли XVIII столетия, которые базируются на демократической идеологии — в большей или меньшей степени. Ломоносовский пафос построения национальной передовой государственности, пафос петровских реформ и петровских побед, звучащий во всем его творчестве, отразился не у Карамзина, а у Радищева. Дворянской культуре, по существу тяготеющей к феодальному космополитизму, противопоставляет себя Лукин со своей идеей не только национальной драматургии, но и драматургии для народа. И совершенно неправы были дворянские либералы, злорадно подчеркивавшие иноземное, французское происхождение и идей и пьес Лукина; его идеи, как и пьесы, действительно, во многом пришли к нам с Запада, но тем не менее они приводили к постановке проблемы национального искусства; в этом смысле борьба Лукина с дворянскими драматургами в высшей степени знаменательна.

Конечно, никак нельзя думать, что вопросы национальной культуры, национального самосознания прошли мимо дворянской литературы. Но они характерным образом выдвигаются и в ней на первый план лишь в тех участках ее, которые преодолевают специфичность дворянского мировоззрения, — и в то же время — рамки дворянского классицизма. Острота борьбы наиболее последовательных и смелых представителей дворянского либерализма против деспотии и рабства, резкость и убедительность их критики социальных порядков того времени приводила к тому, что в их творчестве взрывались самые основы феодального мышления; таков был итог работы Н. И. Новикова в 1769—1772 гг., таков был итог творчества и политической борьбы Фонвизина. С другой стороны, органическое «плебейство» Державина, приближавшее его к народной стихии и в складе его речи и в его сложных поэтических образах, может быть, против его воли приблизило его к демократическому мировоззрению, — и в формах его своеобразного гуманизма, и в формах его яркого патриотизма. Именно эти представители, — условно говоря, — дворянской литературы оказались в своем творчестве подлинными патриотами, несправедливо многие в своей стране именно вследствие сознательной любви к ней; Фонвизин и Державин на вершинах художественных достижений XVIII сто-